

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY

УДК 39(=511.1)

Г. Н. Айплатов, И. Ф. Ялтаев

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ МАРИЙСКОГО НАРОДА В ТРУДАХ ИНОСТРАННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XVII–XVIII ВВ.

В статье рассмотрены обычаи и обряды марийского народа, связанные с заключением браков, рождением ребенка и наречением его именем, а также похоронно-поминальные обряды, описанные немецкими учеными А. Олеарием, Г. Миллером и Г. Георги. В данной работе поставлена задача – исследовать восприятие самобытной культуры марийского народа иностранными исследователями. Обычаи и обряды, рассматриваемые в статье, относятся к обычаям и обрядам жизненного цикла и являются важным источником для изучения истории и духовной культуры народа. Многие сообщения и факты, описанные в работах указанных исследователей, не встречаются в других источниках, и поэтому они представляют историко-культурную ценность. Иностранцами авторами подробно рассматриваются такие аспекты семейной жизни, как заключение брака, обычай покупки и похищения невесты, а также отмечается особенность марийской свадьбы. Авторы в своих работах допускают и ошибки. Например, приводят не совсем характерный для народа мари обычай наречения именем ребенка. В сочинениях немецких авторов достаточно точно отражены похоронно-поминальные обряды, которые являются одним из существенных и устойчивых этнических признаков народа. Все эти обычаи и обряды марийского народа в свидетельствах иностранных авторов рассматриваются в сравнении с другими народами Поволжья, где отмечается общее и особенное. Изучение обрядов и традиций марийского народа в трудах иностранных исследователей показывает, что ее истоки и особенности связаны со своеобразным хозяйственно-культурным укладом жизни, а также с общим ходом истории и развития культуры народов Среднего Поволжья.

Ключевые слова: черемисы, мари, обычаи, обряды, традиции, язычество, похоронный обряд, свадьба

Обычаи и обряды марийского народа, зародившиеся в глубокой древности и развивающиеся в течение многих веков, служили основной формой регулирования поведения человека в обществе. Обычаи, которые стали играть роль своеобразных норм и правил поведения, сложились вследствие его применения в течение длительного времени и подкреплялись определенными церемониальными действиями – обрядами, которые были призваны установить порядок и равновесие

в материальном и духовном мире, поэтому обряды и обычаи являются бесценным источником для изучения истории и духовной культуры народа. Глубоко проникнув в повседневную жизнь, они стали неразрывной ее частью, передавались от поколения к поколению, духовно объединяли народ, приобщали их к наследию культурных традиций.

Первые небольшие письменные сведения, где описаны обычаи, обряды марийского народа,

появились в сочинении немецкого дипломата и путешественника XVII века. А. Олеария. Более подробные сведения о традиционной культуре марийского народа содержатся в трудах других немецких ученых, энциклопедистов и исследователей XVIII в. Г. Ф. Миллера [4] и И. Г. Георги [2], которые связали свою жизнь и научную деятельность с Россией.

Г. Ф. Миллер был участником Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.), или еще так называемой Великой Сибирской. В инструкции, составленной Академией наук для Г. Ф. Миллера и участников экспедиции, предписывалось «примечать обычай и обряды народные, домашние и брачные и проч.» [5, с. 461]. Для И. Г. Георги, который был участником Физической экспедиции (1768–1774 гг.) и занимался исследованием Поволжья, Среднего и Южного Приуралья, Западной Сибири, Прибайкалья, рекомендовалось собрать в каждой провинции все, касающееся нравов, обычаев, верований, преданий, памятников и разных древностей.

П. С. Палласу, увлекающемуся медициной, ботаникой, зоологией, было поручено в основном исследовать свойства почв, вод, земледелие, животноводство, болезни животных и людей, изучать полезные ископаемые. Поэтому в его работе содержатся небольшие этнографические сведения о марийском народе. Сам ученый, приступая к описанию мари и удмуртов, в своей работе писал, что «в сем моем описании весьма мало содержалось такого, о чем бы уже из обстоятельных известий протчих путешественников не было известно» [7, с. 29].

В данной статье мы рассматриваем семейные обычаи и обряды марийского народа или, как принято считать в этнографической науке, обряды жизненного цикла, связанные с проведением свадеб, похорон, а также родильный обряд, описанные А. Олеарием, Г. Миллером и Г. Георги.

Эти обычаи и обряды для самого народа были обычным явлением в их повседневной жизни, но они отличались от привычных и принятых в западноевропейском обществе традиций и поэтому вызывали большой интерес у немецких ученых. Многие сообщения и факты, описанные в работах указанных исследователей, не встречаются в других источниках, и поэтому они представляют историко-культурную ценность.

Г. Ф. Миллер в своей работе «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов...», рассматривая обряды и традиции мари, чувашей и удмуртов, пришел к выводу, что «все три наро-

да содержат одинакой языческий закон и в принадлежащих к тому обрядах почти никакой разности нет» [4, с. 42].

Но ученый смог заметить, что эти народы «в языках между собою много разнятся. Черемисский язык имеет некоторое сходство с финским, ... чувашский больше сходствует с татарским языком, а вотяцкий много с черемисским, а по большей части с пермским» [4, с. 27].

Миллер был одним из первых ученых, кто положил в основу классификации народов научный принцип языкового сходства. Он считал, что «характеристическое различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственно безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности» [1, с. 31].

Несмотря на это, ученый пришел к ошибочному выводу. Он пишет, что «черемисы и чувашки живут без разбору, так, что их по всем обстоятельствам почти за один народ почесть можно» [4, с. 6].

Для И. Г. Георги чувашки – тоже народ финского происхождения, и являются родственными для марийцев, и «... говорят они собственным, от финского произошедшем, языком... и хотя они много язык свой смешали с татарским, однакож при всем том прародительское наречие, также одеяние, нравы, обычаи и суеверия, удержали» [2, с. 35].

Свидетельства иностранных авторов XVII–XVIII веков содержат интересные сведения об особенностях семейно-брачных отношений народа мари, традиций, связанных рождением ребенка и наречением его именем.

Как и у других народов Среднего Поволжья, марийская семья носила патриархальный характер. Как писал И. Г. Георги, муж «имеет во всем полную власть, а жена должна повиноваться ему, без всякого прекословия...» [2, с. 38].

Западноевропейские исследователи сообщают о бытовавших у марийцев двух формах заключения брака: с помощью сватовства и путем умыкания (кражи) невесты. По сообщениям Г. Ф. Миллера, сватовство происходило посредством третьего человека, а если жених был еще молод и состоял «под властью отца своего, то за него сам отец сватает» [4, с. 70]. И. Г. Георги пишет, что после сватовства жених и невеста меняются кольцами и «обряд сей называется у них Шергас Васталтас» [2, с. 28, 29].

Во время сватовства обсуждались вопросы о размере брачного выкупа (олно), который жених должен был заплатить родителям невесты и приданого, с которым невеста переходила жить в дом мужа. Обычно приданое невесты состояло из постельных принадлежностей, нарядных мариинских женских платьев и мужских рубах, вышитых головных уборов и полотенец, самотканых холстов и самое главное – некоторого количества скота. Так, И. Г. Георги указывает, что у мари «приданое состоит в скотине, и потому такие молодцы, когда придут в совершенный возраст, бывают уже нарочито скотом заводны» [2, с. 28]. Также родители молодых во время сватовства определяли день проведения свадьбы.

В своих работах эти исследователи указывают, что умыкание невесты происходит тогда, когда жених не может заплатить выкуп за невесту [4, с. 70; 2, с. 29]. Как сообщает Г. Ф. Миллер, размер выкупа определялся, «смотря по красоте, богатству и знати невесты», и колебался от 10 до 30 рублей, а более богатые мариинцы, проживающие в Кунгурском уезде¹, платили от 80 до 100 рублей [4, с. 69]. Во второй половине XVIII в. выкуп за невесту, по сведениям И. Г. Георги, платили уже от 30 до 50, а иногда от 80 до 100 рублей [2, с. 28].

Г. Ф. Миллер и И. Г. Георги сообщают интересный обычай переодевания невесты в женскую одежду. Так, по свидетельству Г. Ф. Миллера, это происходит на дворе у жениха в специально поставленном шатре, куда посторонних не пускают, кроме двух женщин-помощниц. Здесь «надевают на невесту женское платье и, снявши с нее платок, накладывают шурке² или ошпу³, как головной убор черемисских женщин, а сверх того венюк» [4, с. 73, 74]. По описанию И. Г. Георги, переодевание невесты происходит в «другой избе», т. е. в специальном помещении [2, с. 29].

Г. Ф. Миллер подчеркивает особенности мариинской свадьбы. Так, он пишет, что на свадьбу «черемисы зовут в гости только черемис», но если жених имеет друзей и знакомых из представителей другого народа, то приглашает их тоже, но на следующий день после свадьбы, так как «забавы у них продолжают дни по 3 и по 4, а иногда и целую неделю» [4, с. 71, 72].

Еще на одну особенность свадебной церемонии мариинцев указывает Г. Ф. Миллер. По сведениям исследователя, только у мариинцев на свадьбе

«юкточ»⁴ новобрачной паре читает некоторые молитвы, чтобы Бог им даровал детей и к домостроительству их ниспослал свое благословение» [4, с. 74].

Г. Ф. Миллер отмечает, что у описываемых народов мари, удмуртов и чувашей «многоженство позволено» [4, с. 67]. Факт о наличии двоеженства у удмуртов подчеркивает И. Г. Георги [2, с. 50].

Полигиния (многоженство) не была характерна для мариинцев, но, видимо, как и соседние татарские народы, некоторые мариинцы позволяли себе иметь несколько жен. Так, например, говоря о семейных традициях мордвы, И. Г. Георги отмечает, что хотя им их языческий закон не запрещает многоженство, «однако они вольностию сею столь же редко, как и Черемисы, пользуются» [2, с. 45].

И. Г. Георги сообщает о запретах, которые существовали в семейно-брачных отношениях у мари. Так, он пишет, что «на родне они никогда не женятся, и двух сестер вдруг не берут» [2, с. 28]. О том, что мари при заключении браков «законы сродства наблюдают... оных ни мало не нарушают», указывает и Г. Ф. Миллер [4, с. 68].

У мари и у других народов Среднего Поволжья наблюдалась большая разница в возрасте между молодыми, вступающими в брак. Так, Г. Ф. Миллер пишет, что у мари и чувашей «достаточные люди женят сыновей своих пяти и шести лет с тем намерением, чтобы в домашней работе более иметь вспоможения...» [4, с. 67]. А что касается возраста невесты и «...чтобы в домашней работе знать силу и иметь искусство, пятнадцати лет никогда, а двадцати лет редко, выдают замуж» [4, с. 67]. Таким образом, невеста была старше своего жениха на десять и более лет. Такая же картина наблюдалась и у мордвы.

Родители стремились женить сына, также не дожидаясь его совершеннолетия, лишь бы скорее получить рабочие руки в семье [11, с. 165].

По сведениям И. Г. Георги, у мари брачный возраст девушки не мог быть меньше пятнадцати лет. Он отмечал, что «зажиточные родители часто покупают жен и шестнадцатилетним своим сыновьям; но девка должна быть не моложе пятнадцати лет» [2, с. 28].

И. Г. Георги сообщает, что у мари, мордвы, а также и у удмуртов рождение ребенка обыкновенно происходило в бане [2, с. 28, 44, 50]. По сведениям Г. Ф. Миллера, мари, чуваш и удмурты

¹ Административно-территориальная единица в составе Казанской губернии (с 1781 года в составе Пермской губернии).

² Шурка – головной убор замужней мариинской женщины.

³ Ошпу – свадебный головной убор из серебряных монет.

⁴ В мариинском языке такого слова нет. Здесь, видимо, имеется в виду «заклинание», «заговор». Юк, йук, (голос, звук), что означает чтение молитвы. Молитвы читал карт (языческий жрец).

«дают имена новорожденным детям по имени того, кто вскоре после родов первый в дом их придет. Если же никого скоро не будет, то родители дают имена детям по своему благоизобретению» [4, с. 65]. Если родился мальчик, а придет женщина, то, по мнению Миллера, она имеет право дать имя ребенку по своему усмотрению. Такого обычая наречения ребенка именем у мари не упоминается в этнографической литературе [3, с. 246]. Здесь Г. Ф. Миллер повторяет сообщение А. Олеария [6, с. 264], которое было характерно для чувашей [9, с. 84]. У описываемых Миллером народов были и свои национальные имена [4, с. 66, 67]. Кроме этого, по его сведениям, в XVIII в. у чувашей и удмуртов было принято ребенку давать и русские имена [4, с. 66].

И. Г. Георги, описывая традиции и семейные обычаи удмуртского народа, сообщает, что после рождения ребенка «приносит отец Ангелу хранителю сего младенца в жертву белого овна», который у них называется Килдиссин, что значит Ангельская жертва [2, с. 50].

Описывая чувашей, И. Г. Георги приводит интересное свидетельство о процедуре развода, который практиковался и в среде мари, мордвы, удмуртов. Он пишет: «Но нежели муж чрезвычайно женою своею недоволен, то разрывает ее покрывало (сурбак), и тем самым уничтожается на веки супружеский между ними союз. ... однакож таковые случаи бывают редко» [2, с. 38].

Погребальный обряд, для которого характерны традиционность и консерватизм, отражает определенные духовные и мировоззренческие представления народа и является одним из наиболее существенных и устойчивых этнических признаков.

В описании Г. Ф. Миллера мы находим, что своих покойников мари и чуваша «... кладут в могилу между двумя досками, а сверх оных накрывают еще доскою и напоследок могилу засыпают землею» [4, с. 78].

При таком обычае хоронить своих умерших мари на дне могильной ямы делали подстилку из луба или войлока, а также использовали ветки пихты или ели. Этот элемент погребального обряда связан с верой мари в божественную силу ветвей дерева, как хранителя домашнего очага [10, с. 203]. Так, например, до сих пор у уфимских и вятских мари сохраняется обычай держать пучок ветвей дерева в переднем углу куды (летняя кухня), который у них называется «кудыводьж». Такой обычай наблюдается и удмуртов, называется он «модор» и представляет

собой почитание пучка пихтовых ветвей как бога – хранителя дома [10, с. 203].

По данным современных исследователей, мари стали хоронить покойников в гробах лишь в середине XVII в., обычай был переят ими в результате христианизации [10, с. 202]. Из описания Миллера видно, что традиция хоронить «между двумя досками» умерших у мари сохраняется и в XVIII столетии.

Под влиянием христианской религии и социально-экономических изменений происходила трансформация погребального обряда у мари. Эти изменения можно увидеть в работе И. Г. Георги, который во время своего путешествия собрал интересные материалы по этнографии не только мари, но и чувашей, мордвы и удмуртов.

Так, И. Г. Георги пишет о том, что мари «покойников своих кладут... во гроб в самом лучшем одеянии. ... На кладбище роют могилы с запада на восток, и головою кладут покойников на запад» [2, с. 30].

Западная ориентация погребенных – это еще одна новая черта в захоронениях мари, так как до XVI в. была северная ориентация [10, с. 205] и, по представлениям мари, загробный мир находился именно на севере [3, с. 250]. Наряду с западной ориентацией и в XVIII–XIX вв. сохранилась традиция копать могилы и с северной ориентацией.

По описанию И. Г. Георги, покойников мари хоронили «в тот самый же день, в который кто умер» [2, с. 30]. Под влиянием христианской религии с XIX в. похороны стали совершаться через три дня [8, с. 165].

Родственники умершего старались обеспечить его всем необходимым для жизни на том свете, поэтому в гроб вместе с покойником клали предметы первой необходимости. Об этом обычае мари упоминают в своих работах Г. Ф. Миллер [4, с. 78] и И. Г. Георги [2, с. 30].

И. Г. Георги не просто описывал тот или иной обряд или обычай, а пытался объяснить, с какими представлениями народа это связано. Так, например, он пишет: «Всякому умершему завязывают родственники в поясе по нескольку копеек. Да сверх того наделяют его посудой и другими домашними надобностями, также лапотником, палкою, чтобы было чем оборониться от собак, и небольшим пучком розовых лоз, который, по их мнению, отвращает от злых духов. Все сие кладется с покойником во гроб. ... Они думают так, как и все почти язычники, что состояние человеческое после смерти есть несколько переменившееся здешней жизни

продолжение, и потому кладут покойникам своим домашнюю утварь, деньги, пищу и прочее [2, с. 30].

Надо отметить, что марийцы, которые придерживаются языческих верований, этот обычай класть в гроб покойнику веточки рябины, шиповника и палочку сохранили до сих пор. По представлениям марийцев, они нужны покойнику для защиты от нечистых сил, подземной собаки и змеи [3, с. 249].

Г. Ф. Миллер и И. Г. Георги заметили много общего в похоронных обрядах марийцев, удмуртов и чувашей и проводили некоторые сравнения. Так, Георги, описывая похороны у чувашей, пишет: «Умерших своих погребают они, по черемисскому обыкновению, и наделяют их так же, как и они. На могилу кладут, по зажении восковых свечек, блин и кусок вареной курицы; при чем говорят: что тебе пригодится! Остатки же прибирают провожатые и думают, что обще с мертвецом ели. На последок бросают худое умершего одеяние на могилу, моются и подвешивают себя пирушкою в той избе, из которой вынесли покойника. В третий и седьмой день правят поминки, подобных первым черемисским...» [2, с. 38].

Про удмуртов Миллер пишет, что они «...погребают умерших в их платье, обернувши берестами, поодаль деревни в лесу, а домового скарба с ними не кладут; при том же у них есть такое обыкновение: когда ношатые из лесу возвратятся, то хозяин, или хозяйка, или кто-нибудь из ближних сродников умершего, навстречу им бросают пепел, чтобы, по их скаскам, запретить, дабы они опять не приходили и более мертвых не носили» [4, с. 78].

Когда Миллер пишет, что удмурты покойнику в могилу «домового скарба не кладут», то допускает ошибку. Вот как И. Г. Георги описывает похоронный обряд удмуртов: «Мертвое тело кладут промеж досок, и наделяют оно котлом, топором, лапотником, лаптями и сим подобными, вещами. ...Возвращаясь от могилы, шагают провожавшие через разложенный у того двора, из коего вынесли покойника, огонь, перетирают руки водою, моются и переменяют платье; после чего угощаются» [2, с. 52].

Подобный обычай наблюдался и у марийцев, родственники и соседи после посещения кладбища возвращались в дом покойного, мылись в бане, а затем проводили поминки [3, с. 250]. Здесь мы видим ритуальный обряд очищения, где важную роль играют огонь, пепел, вода, смена платья.

Адам Олеарий, который побывал в Марийском крае в 1636 и 1638 гг. во время своего путешествия из Москвы в Персию и обратно сообщает

о том, что после похорон одежду покойника «вешают на дерево» [6, с. 366]. У Миллера читаем: «В знак памяти у черемис на кладбищах обыкновенно раскидываются на жердях плашки» [4, с. 79]. Об этом же пишет Георги: «Напоследок ставят на могилу шест, к которому привязанная тряпица висит как будто знамя» [2, с. 30].

Указанные авторы здесь описывают один из древнейших обычаев похоронного обряда, который связан с представлением марийского народа о том, что душа умершего переходит в дерево, которое в свою очередь выступает связующим звеном между подземным миром или землей и небом [8, с. 169]. Обычай устанавливать шесты на могилах сохранился до сих пор у марийцев, проживающих в Республике Башкортостан.

Адам Олеарий также в своей работе пишет, что если умирал состоятельный человек, то «закалывали его лучшую лошадь ... и съедали ее у реки» [6, с. 366]. Этот обычай марийцев и чувашей, когда «в память умершего заколовши варят и едят» лошадь марийцы – у покойника дома, а чуваше – на кладбище, сообщил и Г. Ф. Миллер [4, с. 79]. Также он пишет, что перед этим родственники или гости умершего устраивали соревнование – кто первым из лука попадет в кольцо, которое вдето в предварительно натянутую нить между двумя палками. Первый попавший в кольцо человек получал право на лошади покойного съездить на его могилу до трех раз [4, с. 79].

Обряд принесения в жертву коня во время похорон, а также снабжения умершего всем необходимым для жизни на том свете наблюдался и у мордвы [11, с. 152, 153].

Миллер и Георги в своих работах упоминают также о поминках, которые устраивали марийцы в честь умерших родственников. Миллер не говорит об определенных принятых порядках и днях, связанных с проведением поминок, а считает, что «в честь умершему празднуют неделю, месяц и целой год, как они заблаго разсудят» [4, с. 79]. Георги же в своей работе пишет, что после смерти человека проводятся три поминки: в третий, седьмой и сороковой день [2, с. 30].

Марийцы поминали своих покойников и в другие праздники (Кугече, Семык, Угинде). Таким образом, они стремились обеспечить покойнику благоприятные условия на том свете и в то же время надеялись, что умершие предки их будут защищать от засухи, болезней, всевозможных несчастных случаев.

Изучение обрядов и традиций марийского народа в трудах иностранных исследователей показывает,

что ее истоки и особенности связаны со своеобразным хозяйственно-культурным укладом жизни, а также с общим ходом истории и развития культуры народов Среднего Поволжья, где проживали вместе родственные финно-угорские, а также тюркские и славянские народы.

1. Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. С. 3–55.

2. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Часть I. С. 26–34. СПб., 1799. Ч. 1. 76 с.

3. Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. 480 с.

4. Миллер Г. Ф. Описание живущих в казанской губернии народов, яко-то: черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. 131 с.

5. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.

6. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введ., пер., прим. и указ. А. М. Ловягина. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. 582 с.

7. П. С. Палласа Путешествие по разным провинциям Российской империи. Санкт-Петербург: При Имп. Акад. наук. 1788. С. 37–41.

8. Попов Н. С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX веков // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. Йошкар-Ола, 1981. Вып. 5. С. 154–173.

9. Хрестоматия по культуре Чувашского края. Дореволюционный период. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 255 с.

10. Шикаева Т. Б. Погребальный обряд марийцев XVI–XVIII веков (по материалам могильников). АЭМК. Йошкар-Ола, 1981. Вып. 5. С. 192–205.

11. Шкердина Н. Народы Среднего Поволжья в западноевропейской историографии XVI–XVIII вв. М., 2012. 264 с.

Статья поступила в редакцию 28.01.2016 г.

Для цитирования: Айплатов Г. Н., Ялтаев И. Ф. Семейные бычаи и обряды марийского народа в трудах иностранных исследователей XVII–XVIII вв. // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. № 1 (5). С. 5–11.

Об авторах

Айплатов Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, ifyalta@yandex.ru

Ялтаев Иван Федорович, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, ifyalta@yandex.ru

G. N. Aiplatov, I. F. Yaltaev

Mari State University, Yoshkar-Ola

FAMILY CUSTOMS AND RITUALS OF THE MARI PEOPLE IN THE STUDIES OF FOREIGN RESEARCHERS OF THE XVIITH–XVIIITH CENTURIES

The article describes the customs and rituals of the Mari people associated with marriage, birth and naming of a child, as well as funeral and memorial rites described by German scientists A. Oleary, G. Miller and G. George. The objective of this work is to investigate the perception of the original culture of the Mari people by foreign scientists. Customs and rituals discussed in the article include the rites of the life cycle and are an important source for studying the history and spiritual culture of the people. Many of the messages and the facts described in the researches of the mentioned scientists are not found in other sources, and therefore they are of historical and cultural value. The foreign authors examine in detail the aspects of family life such as marriage, the customs of bride buying and kidnapping, and the other features of the Mari wedding. Unfortunately, these scientists' researches are not error-free. For example, described custom of naming of a child is not entirely typical of the Mari people. Researches by German authors accurately reflect the funeral and memorial ceremonies, which are one of the most significant and enduring ethnic signs of the people. All these customs and rituals of the Mari people considered by foreign authors in comparison with other nations of the Volga region, where common and distinctive features are marked out. Studying of customs and traditions of the Mari people in the works of foreign scientists shows that its sources and features are connected with a peculiar economic and cultural way of life, and also with the general course of history and cultural development of the peoples of the Middle Volga.

Keywords: the Cheremis, the Mari, customs, ceremonies, traditions, paganism, funeral ceremony, wedding

1. Bahrushin S. V. G. F. Miller kak istorik Sibiri. *G. F. Miller. Istorija. Sibiri*: v 2 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937, t. 1, pp. 3–55.
2. Georgi I. G. Opisanie vseh obitajushhiih v Rossijskom gosudarstve narodov. SPb., 1799. Chast' I. S. 26–34. SPb., 1799, ch. 1, 76 p.
3. Marijcy. Istoriko-jetnograficheskie ocherki. Joshkar-Ola, 2013, 480 p.
4. Miller G. F. Opisanie zhivushhiih v kazanskoj gubernii narodov, jako-to: cheremis, chuvash i votjakov. SPb., 1791, 131 p.
5. Miller G. F. Istorija Sibiri. M.; L.,: Izd-vo AN SSSR, 1937, t. 1. 607 p.
6. Olearij A. Opisanie puteshestvija v Moskoviju i cherez Moskoviju v Persiju i obratno, vved., per., prim. i ukaz. A. M. Lovjagina. SPb.: Izdanie A. S. Suvorina, 1906, 582 p.
7. P. S. Pallas Puteshestvie po raznym provincijam Rossijskoj imperii. Sankt-Peterburg: Pri Imp. Akad. nauk. 1788, pp. 37–41.
8. Popov N. S. Pogrebal'nyj obrjad marijcev v XIX – nachale XX vekov. *Material'naja i duhovnaja kul'tura marijcev*. AJeMK. Joshkar-Ola, 1981, vyp. 5, pp. 154–173.
9. Hrestomatija po kul'ture Chuvashskogo kraja. Dorevoljucionnyj period. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2001, 255 p.
10. Shikaeva T. B. Pogrebal'nyj obrjad marijcev XVI–XVIII vekov (po materialam mogil'nikov). AJeMK. Joshkar-Ola, 1981, vyp. 5, pp. 192–205.
11. Shkerdina Nadezhda. Narody Srednego Povolzh'ja v zapadnoevropejskoj istoriografii XVI–XVIII vv. M., 2012, 264 p.

Submitted 28.01.2016.

Citation for an article: Aiplatov G. N., Yaltaev I. F. Family customs and rituals of the Mari people in the studies of foreign researchers of the XVIIth–XVIIIth centuries *Vestnik of Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2016, no. 1 (5), pp. 5–11.

About the autor

Ajplatov Gennadij Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Jaltaev Ivan Fedorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola